

Честь и совесть личности в этом деле имеет чрезвычайно важную цементирующую основу национального менталитета народа. Следует отметить, духовность не связана с размером территории государства или численностью населения. В истории народов существуют такие малочисленные народы, которых завоеватели не могли полностью покорить и подчинить своей власти. Вот почему акцент национальной безопасности Республики Узбекистан делается на высокую духовность населения, так как духовный иммунитет является главным орудием сохранения национальной культуры, условием достижений своего достойного места в мировом сообществе.

Учитывая вышеизложенное, можно предполагать, что в современных условиях научно-технического прогресса может обезопасить себя любое государство или общество от угрозы массовой культуры под глобализацией мира только при помощи высокой духовности, что несравнимо с природными и другими потенциалами страны. Мировое сообщество может решить все глобальные проблемы единственным решением: воспитать высокую степень толерантности и взаимопонимания, культуру милосердия и добра.

Список использованной литературы

1. Анисимов С.Ф. Духовные ценности: производство и потребление. – М.: «Мысль», 1988; -С. 14.
2. Большая Советская Энциклопедия. -2 изд.-Т.24. –М.; «Гослитература», 1953. -С.706.
3. Вавилин Е.А. Феофанов В.П. Исторический материализм и категория культуры. – Новосибирск: «Наука», 1983; -С.123.
4. Интервью посла США в Узбекистане корреспондентам СМИ// Тафаккур. -1996. -№1. –С.39.
5. Ионин Л.Г. Социология культуры: путь новое тысячелетие. – М.: «Логос», 2000; -С.47.
6. Каримов И.А. Юксак маънавият енгилмас куч. – Т.: «Маънавият», 2008. – С.108.
7. Шаповалов В.Ф. Основы философии современности. К итогам XX века. – М.: «Флинта-Наука», 1998. –С.156.
8. Эркаев А. Духовность- энергия независимости -Т,: «Маънавият», 1998. – С.5.

ЗАГЛАВНЫЙ ПЕРСОНАЖ КАРТИНЫ МИРА ЧЕЛОВЕКА-ЭТНОСА-ЧЕЛОВЕЧЕСТВА THE TITLE CHARACTER OF A VIEW OF THE WORLD OF HUMAN-ETHNOS-HUMANITY

Морозов Игорь Вячеславович,
Минск Беларусь

Ключевые слова: картина мира, этнос, дом.

Резюме: Состояние и тенденции в современной культуре можно понять, наблюдая за изменениями картины мира, принципиальным персонажем которой исконно был Дом, как артефакт, смысл и символ бытия человека, этноса, целокупного человечества.

Keywords: view of the world, ethnos, home.

Summary: Condition and tendencies in contemporary culture can be understood by observing the changes in a view of the world, which principal character was originally the Home, as an artifact, meaning and symbol of human being, ethnos and the totality of humanity.

В мировой космогонии, в мифологии Дом – исходный и опорный пункт, где человек приобретает позицию мыслящего бытия, где раскрывается его личностная, этническая и общечеловеческая самость. Столетие назад О. Шпенглер приходит к убеждению, что Дом – самое чистое выражение породы (расы, этноса), которое вообще существует. Что его первоначальная форма всецело вырастает из органического чувства. То есть ее даже не создают, ибо она обладает внутренней необходимостью всего живого найти оптимальную защиту и ресурс для выживания. В том числе, естественно, и человека, принадлежащего биологической картине мира, где запечатлены и продолжают свое движение «потoki существования (Dasein) намного более душевного значения» [1, с. 122].

Это «намного более» можно представить и врожденной, архетипической необходимостью самопроявления человека-в-мире. Потребностью выказывания в нем сугубо своего, то есть уникального феномена. Отсюда естественное желание человека, семейства обустроить свой Дом в согласии со своим непониманием и волеизъявлением, чтобы всегда можно было провозгласить: «мой», «наш» Дом. И тем непредумышленно утверждать все свое духовное, или исто культурное существо. Таким образом пишется особая «голографическая» картина мира, вбирающая удивительным образом здесь-езде и сейчас-всегда. И логично перефразируется знаменитое выражение: «покажи мне свой дом, и я скажу кто ты».

«Мой дом – моя крепость» – точный афоризм типичного европейца. Поэтому и дом свой строит, словно пишет декларацию: весомо, крепко, зримо. Чтобы не было сомнений насчет того, кто хозяин и готов ли он отстаивать своё сокровище. Поэтому западное домостроение предпочитает геометрическую лапидарность, устойчивую брутальность, четкую очерченность всех краёв, граней, плоскостей, объёмов. С какой стороны ни посмотри, сразу видно: это дом, и его никак не спутаешь с не-домом. Визуально, и то чувствуется большой запас прочности, гарантирующий безопасность при любом стечении обстоятельств и природных стихий.

И традиционное японское жилище. Для чего не нужны массивные и громоздкие конструкции. Противоестественны всякие излишества и напыщенное выражение мощи. Благодатна лишь кроткая созерцательность. Даже в интеллектуальной сфере Восток не столько утверждает, отстаивает, сколь-

ко предлагает, наблюдает, любит, созерцает. И истый японец скажет: мой дом – твой дом, всегда доступный вселенскому единению. Ибо все рукотворные ограждения он создаёт так, чтобы они более сопрягали, нежели размежёвывали: они как бы мнимы, призрачны, необязательны, факультативны.

Точно так же и юрта сибирского аборигена никак не создаёт ощущения замкнутости, не препятствует движению мирового пространства. Её почти прозрачная оболочка, кажется, может исчезнуть в любое мгновение, как мираж, открывая проникновение космоса. И эта всепроницаемость не тяготит и, тем более, не страшит, поскольку не нарушает мировой порядок, не смазывает картину мира, в основе которых благодатное «растворение» в Природе.

На просторах Индокитая с незапамятных времен существует еще один стандарт простонародного жилища. Тамошние традиционные «хатки» на подпорах – словно шалаши на высоких «ходулях». Однако они не одержимы манией высоты, поскольку главная цель их такого возвышения не вызов небу, но боязнь водной стихии, которая регулярно навевается в их ойкумену обширными разливами и наводнениями. Так строят и поныне, ведь благодаря этому выживали жилища, а с ними и человек, творец и носитель уникальной культуры. В Камбодже бытуют целые плавающие деревни-селения, строения-суда которых поднимаются вместе с великими разливами Меконга, когда все, неподвижно приверженное земле, уходит под воду. Своеобразные понтоны-поплавки на старинных суденышках и современных бочках, дарующие безопасное плавание по токам судьбы.

Наконец, изба-хата русичей. Всем своим видом она источает невозмутимую прочность, богатырскую, укоренённость на месте, избазовость от всех напастей. Хотя нет в ней ничего избыточного, лишнего. Как на иконе, из которой ничего не уберёшь, да и не добавишь тоже, настолько она художественно закончена и всегда находит себе место в домашнем углу, в храмовом иконостасе, в ритуальном шествии.

На наших равнинных просторах царствовали «низенькие хатки», воспетые и фольклором и профессиональной поэзией. И главная их примета – это неприметность, что не упускали отметить практически все иноземные гости-путешественники глубокого прошлого.

Действительно вместе с завалинками они скорее напоминали землянку, укрытие, убежище, сродни фортификационному сооружению, осторожно выглядывающего за бруствер. Разве что по печному-куренному дыму белорус-литвин ориентировался. Отсюда дымами и называли отдельные семейные дома-дворища. Зимние сугробы и вовсе поглощали их, скрывая и от взгляда шалых разбойничков, рати налётчиков, и от порывов стихии, всяческих вихрей враждебных, что бы ни веяли в пору лихолетья.

Есть еще одно весомое основание для низеньких хаток – наш кругозор-краеогляд, что искони воспитывался нашими равнинами, словно нивелиром. «Не опрокинется назад голова посмотреть вечные линии сияющих гор» и «громоздящихся в вышине каменных глыб» (Н. Гоголь). Даже лес казался недосягаемым высочеством для традиционной хатки.

Вось старая хатка,
Садзік невялічкі.
Малады алешнік
Па краях крынічкі.
З краю лес высокі...
Якуб Колас

Врожденный горизонтальный азимут мировосприятия воспитывал в белорусе-литвине не мечтательного звездочета, но приземленного прагматика. Прозаика жития-бытия, твердо упирающегося в родную глебу-грунт. Так что даже его поэзия особо не тревожится небесными явлениями-событиями. И если трогает «зорка Венера», то фактически за то, что только уже «ўзышла над зямлёю». И коль уж обращается беззаветный и неистребимый язычник к главному небесному светилу, то только чувствуя, что под ними исключительно надежная опора, которая остается при любой политической власти.

В шар земной упираясь ногами,
Солнца шар я держу на руках.

.....

Так стою:
Прекрасный, мудрый, твёрдый,
Мускулистый, плечистый.
От земли вырастаю до самого солнца.
Э. Межелайтис

Вырастая в своих глазах, одновременно укореняясь в свое этническое естество, национальный менталитет, что воистину «ни низок, ни высок», как воплощающий его традиционный Дом со всем обилием преисполненных образов и символов. Он, как дорогой сородич, перед которым не надо низко кланяться, «ломать шапку». И он не смотрит на тебя пренебрежительно сверху вниз. Взаимное уважительное снисхождение. Отсюда, видимо, у белоруса, изродно лишенного и неприветливого ко всяческому снобизму-фанаберистости не прижилось высокое крыльцо. В то время как высокое крыльцо древней Руси – зримо-осязаемый признак превосходства и власти, мерило социальной значимости его хозяина и повод к высокомерию. Так что попросту не мог боярин-князь находиться вровень с холопами-смердами, но имел право разве что нисходить к ним. «...Выходил Владимир-князь да на высоко крыльцо...».

Низка хата-приступок - для беспрепятственного вхождения сородичей и гостей жданных, для благодатного снисхождения Бога. Она и низкий поклон ему, до самой земли-матушки и под эгидой неба-батюшки.

Таковы незримые образы нашей изродной картины мира. В ней «блудный сын» искони и во веки веков возвращается-припадает не перед безразличным подъездом многоэтажки или у холодной клетки лифта, но пред скромным и всегда теплым порогом всепрощающего и всепривечающего Дома.

Ныне, спустя столетия после «пророчества» О. Шпенглера, все более убеждаемся в его правоте относительно «цивилизованного человека», исчезая мегаполисов и «мировой столицы». Существа безродного и духовно ущербного своей бездомностью, для которого уже нет картин с глубокими перспективами, потерял простор для выбора направления и обнаружения цели. Ибо человек погружен в вязкую путину бессмыслицы, не в мир, но в какофонию кажимостей, симулякров, имитаций, извергнутых мегаполисом вкупе с другими его порождениями: отчужденностью, злобой, агрессивностью [2].

Хотим мы того или нет, но вынуждены признаться в том, что однотипное, промышленного производства и иже с ним жилье - фактор, что перечит самоуважению личности, его этнической идентичности. Такое домоустройство, возможно, и подпирает ход и пополнение истории, но не споспешествует обогащению культуры. И она сопротивляется этому ущемлению, как всякое живое существо.

Сопrotивляется вполне очевидной тенденцией, скажем, американского домостроения, прародителя небоскребов, который гордится не прекращающимся обилием односемейных домов. Их незаконченным разнообразием, которое приоритетно преисполняет их зодчество, дабы никто и не подумал утверждать, что миллионы американцев живут в многоквартирных массивах или в монотонно стандартных домах.

Сопrotивляется обогащением спектра гуманитарных изысканий и культурологических проблематик, а также развитием этнотуризма, музейного дела, где показательным экспонатом все чаще восстает именно он – Его Величество Дом.

Наконец, распространением уж совсем «приземленного» персонажа актуальной картины мира - самодеятельного, индивидуального домостроения. Не столько доступного, сколько достойного.

А все потому, что искони сопротивляется самость-культура человека нашим отчаянным вопрошаниями «Самый болезненный и мучительный вопрос, исходящий из глубины сердца: где мне почувствовать себя дома?» (А. Камю). «Где ты, где ты, отчий дом?» (С. Есенин). Ибо ничто другое не способно на великую благодать отдохновения и гармонии.

Итак, будем надеяться, что среди прагматичной меркантильности мы уже вполне выстрадали идею возвращения к культурным приоритетам, чтоб...

Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом.

С. Есенин

И это – отнюдь не только философские разумения и поэтические метафоры, но своеобразное паломничество. И не в ветхую старину, но к многоцветной и полисюжетной, к нескончаемой в символической глубине своей, буквально живописной картине мира человека-этнoса-человечества. Там ис-

кони доминирует Дом, что гармонично вбирает в себя традиции и язык, достояния и мечты – жизнеописание каждого и всех его домочадцев.

Список использованной литературы

1. Шпенглер О. Закат Европы. - М: «Наука», 1993. — 592 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. — М.: Рипол-классик, 2015.— 79 с.

ТРАДИЦИОННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БЕЛОРУССКОГО ПОЛЕСЬЯ В РАБОТАХ СТ. ДВОРАКОВСКОГО TRADITIONAL SOCIAL CULTURE OF THE BELARUSIAN POLESIE IN ST. DWORAKOWSKI'S WORKS

Олюнина Ирина Владимировна
Минск, Республика Беларусь

Ключевые слова: традиционная социальная культура, Белорусское Полесье, Ст. Двораковский, польская этнология 1930-х гг.

Резюме. Доклад посвящен вкладу польского этнолога Ст. Двораковского в изучение традиционной социальной культуры населения Белорусского Полесья. Анализируются методы и результаты полевых этнографических исследований, проведенных польскими этнологами на территории Белорусского Полесья в 1930-е гг.

Keywords: Traditional social culture, Belarusian Polesie, St. Dworakowski, Polish ethnology 1930s.

Summary. The report deals with the contribution of the Polish ethnologist St. Dworakowski to the study of traditional social culture of the Belarusian Polesie population. The methods and results of ethnographic field researches carried out by the Polish ethnologists in the territory of Belarusian Polesie in the 1930s are analyzed.

Варшавский этнолог Станислав Двораковский по приглашению Юзефа Обрембского проводил в 1934-1938 гг. полевые исследования на территории Брестского, Пружанского, Косовского, Лунинецкого, Дрогичинского и Пинского поветов [3, с. 150]. Ученые собирали материалы о традиционной социальной культуре полешуков, в частности о семейных обычаях и обрядах. Экспедиция проводилась в два этапа: первый в течение 4 лет – с апреля 1934 г. по сентябрь 1936 г., второй этап – летом 1937 и 1938 гг. Принять участие в экспедиции Ю. Обрембский пригласил этнологов Романа Хроминьского и Станислава Двораковского из Варшавы, Зигмунта Корибутяка из Вильно и юриста Яна Теодоровича и социолога Стефана Новаковского из Варшавы. Особенность подбора участников экспедиции